

В административном устройстве династии Дали высшая власть на местах принадлежала Провинциальной администрации и Военному командованию. Первая ведала гражданскими делами: под её началом находились несколько областей, а в круг обязанностей входили налоги, землепользование, учёт населения, провиант и оценка работы чиновников.

Глава такой администрации — бучжэнши — носил высокий чин второго ранга.

Всего в империи Дали насчитывалось тринадцать таких провинций, разделённых на сто двадцать пять областей. Областью правил чжичжоу — чиновник пятого ранга. Далее следовали округа — их было более пятисот, и во главе каждого стоял уездный судья седьмого ранга. Ещё ниже располагались тысячи городков, а деревням и вовсе не было числа.

Военное командование, в свою очередь, управляло гарнизонами. Семь таких ведомств по всей стране держали в своих руках военную мощь. Главнокомандующий, как и глава гражданской администрации, имел чин второго ранга, что обеспечивало равновесие сил.

Округ Нинпин входил в состав области Ваньнань. Под его началом находилось восемь городков, включая Нинсун, к которому и приписывались окрестные деревни.

Путь к вершине чиновничьей лестницы начинался с малого. Первым шагом для простого люда был экзамен на туншэна, который сдавали в своём городке.

К примеру, Чжао Цзэ, внук учителя Чжао, нынешней весной отправился в Нинсун на повозке — и этого было достаточно. Лишь получив звание туншэна, ученик обретал право побороться за титул сюэя в окружном городе. Следующая ступень — звание цзюйжэня — требовала поездки в главный город области, Ваньнань.

Тех же, кто справлялся и с этим, ждала столица и венец испытаний — экзамен на чин цзиньши.

Обо всём этом Гу Чжао неспешно рассказывал супругу, пока мул мерно тащил их повозку домой.

— Сянгун, а я-то думал, что наш Нинпин — край света, а над ним, оказывается, ещё целые области стоят, — изумлённо шептал Ли Чжоучжоу.

В окружном городе его пугало обилие народа и суета постоянных дворов. Опасаясь воров, он всю дорогу не выпускал из рук кошель с деньгами, прижимая его к самому телу. Последние два дня он только и делал, что дежурил у ворот Гунъюаня, ожидая супруга.

— С такой-то бездной людей экзамены, должно быть, дело невероятно трудное, — с тревогой добавил он.

Гу Чжао, привыкший к испытаниям в обеих своих жизнях, лишь ласково погладил руку Ли

Чжоучжоу.

— На этот раз всё прошло неплохо, — с улыбкой ответил он. — Народу в экзаменационном ряду было не так уж и много.

Под началом Нинпина числилось восемь городков и бессчётное количество сёл. Если из деревни выходил хотя бы один туншэн, способный замахнуться на звание сюэя, это уже считалось великой честью. Чаше же случалось так, что один грамотей приходился на три-четыре селения. В городках, конечно, учёных было побольше.

В этот раз за право называться сюэями боролись сто пятьдесят пять туншэнов, а заветных мест было всего двадцать.

Гу Чжао не стал уточнять, что в список счастливых попадёт лишь первая двадцатка — к чему лишний раз волновать супруга? Юноша перевёл взгляд на тестя, правившего мулом.

— Отец, как вернёмся, пора бы уже и за удобрения для полей приниматься?

— На четырёх му я уже всё раскидал, — отозвался Ли Да. — С остальными не успел: из округа нагрянул чиновник-агроном с проверкой. Весь день ходил за мной по пятам, записывал, когда удобряем да как состав готовим. Столько времени на эти расспросы ушло.

Хоть в названии должности и звучало «чиновник», на деле агрономы не имели ранга и не сдавали государственных экзаменов. Они относились к техническим служащим: окружное начальство само проводило отбор и нанимало толковых людей.

Стоило Ли Чжоучжоу и Гу Чжао уехать в Нинпин, как в деревню прибыл Управляющий Хуан. Его сопровождали пятеро стражников. Староста, преисполненный благоговейного трепета, бросился встречать гостей, и те первым делом спросили о доме Ли Да.

— Ох, господин, не в добрый час вы заглянули, — сокрушался староста. — Ли Да ещё до рассвета уехал в город — провожал своего зятя, Гу Чжао, на экзамены.

Управляющий Хуан, уже наслышанный, что новый способ удобрения придумал некий «учёный Гу», понимающе кивнул. Он расспросил старосту о делах и лично осмотрел поля. Лишь на исходе следующего дня Ли Да вернулся домой и предстал перед проверяющим.

Поначалу он, как и староста, старался отвечать на все вопросы со всем тщанием, но господин Хуан дотошно выпытывал каждую мелочь.

— Сколько мер золы, сколько ковшей воды, какая погода нужна для брожения... — пересказывал Ли Да сыну и зятю, пока повозка катилась по дороге. — Я ему говорю: давайте я просто покажу, а вы записывайте. Так нет же, пристали: почему, мол, сейчас два полных ведра

влил, а в прошлый раз — только половину? А я что скажу? Да просто в кадке вода на донышке осталась, вот я и решил — сойдёт и так.

Дома-то яму выкопали прямо на заднем дворе. Кто там считал, сколько золы ушло? А эти требуют точности.

Даже во время работы агроном стоял над душой, записывая влажность, время года и количество состава. Ли Да, который обычно за день управлялся с двумя му, из-за этих расспросов едва успевал обработать один. В конце концов он не выдержал и, сославшись на то, что пора ехать за детьми в город, поспешно запряг мула и был таков.

Слушая тестя, Гу Чжао невольно улыбнулся. За всё время жизни в доме Ли он впервые видел отца таким многословным — видать, и впрямь допекли его эти расспросы.

— Как вернёмся, я сам поговорю с Управляющим Хуаном.

Ли Да заметно повеселел: он и сам на это надеялся.

— Вот и славно. Ты займи господина Хуана разговорами, а нам с Чжоучжоу надо поскорее закончить с оставшимися полями.

За разговорами они и не заметили, как небо затянуло тучами. Пошёл мелкий дождь. Пришлось сделать остановку: Ли Чжоучжоу достал старые половики, которыми устлала повозку, и они укрылись ими, спасаясь от сырости. К счастью, ливня не случилась, но из-за задержки добрались до деревни уже глубокой ночью.

Дома каждый сразу принялся за дело: кто очаг разжигал, кто вещи разбирал. Ли Да, жалея верного мула, отвёл его в загон, задал корму и напоил. Лишь убедившись, что животное улеглось отдыхать, он вернулся в дом.

К тому времени уже согрелась вода. Умывшись и наскоро перекусив, измотанные дорогой путники улеглись на кан.

В темноте Гу Чжао по-хозяйски обнял мужа за талию, уткнувшись носом в его плечо. Ли Чжоучжоу тихо рассмеялся — от щекотки и нахлынувшего облегчения. Струна, натянутая внутри него в те дни в городе, наконец ослабла. Он ласково гладил волосы мужа, наслаждаясь тишиной родного дома.

— Спи. — Гу Чжао нежно коснулся губ супруга.

Эти дни дались Чжоучжоу нелегко. Пусть он не сдавал экзамены, но тревога за Гу Чжао и страх за кошель с деньгами не давали ему покоя. В гостинице, где вечно сновал народ, он, должно быть, и глаз-то толком не смыкал.

Сон их был глубоким и крепким. Когда они проснулись, солнце уже стояло высоко.

Ли Чжоучжоу в панике вскочил и принялся натягивать одежду. Никогда ещё он не просыпал так поздно! Он даже не слышал утреннего крика петухов.

«Неужто с птицей что стряслось?»

Муж тоже поднялся, и Чжоучжоу стало совсем не по себе: как это он, хозяйка дома, залежался до полудня? Наскоро повязав волосы, он выбежал во двор. Ни отца, ни мужа не было видно. На кухне в очаге ещё тлела одинокая головня. Заглянув в котел, он обнаружил тёплую кашу и миску с соленьями. В пароварке дожидались пышные мантоу, а в нижнем чане была горячая вода.

«Кто это приготовил — отец или муж?» — Ли Чжоучжоу так и не понял.

Умывшись, он услышал у ворот голоса. Выйдя на порог, гэ'эр замер: Гу Чжао шёл в окружении незнакомых людей. Должно быть, те самые агрономы, о которых говорил отец. Чжоучжоу в нерешительности застыл, не зная, как подобает приветствовать таких важных особ.

— Управляющий Хуан, позвольте представить: мой супруг, Ли Чжоучжоу, — вежливо произнёс Гу Чжао. — Прошу вас, господа, проходите на задний двор.

Агроном с помощниками чинно проследовали мимо.

— Сянгун, это и есть те важные господа? — шёпотом спросил Чжоучжоу, когда гости скрылись из виду. — Я не слишком опозорился? Наверное, стоило поклониться в пояс?

— Не волнуйся, — успокоил его муж. — В другой раз просто вежливо сложи руки в приветствии, я тебя научу.

Управляющий Хуан хоть и был человеком из округа, но высокого ранга не имел. Крестьяне, конечно, почитали его за большое начальство, но падать ниц перед ним не стоило — такой чести он по закону не заслуживал.

Рассказывали, что когда господин Хуан только прибыл в деревню и предъявил свои бумаги, староста так перепугался, что рухнул на колени. Бедный агроном сам едва не лишился чувств от такой прыти и поспешил поднять старика, твердя, что не стоит так усердствовать. После этого староста только сконфуженно кланялся при каждой встрече.

— Ты завтракал? — спросил Гу Чжао. — Кашу с утра отец сварил, я тоже поздно встал. Соленья я нарезал. Отец наскоро перекусил и уже в поле ушёл.

Сам Гу Чжао тоже не слишком жаловал пустую кашу, так что с удовольствием составил супругу компанию.

— Сянгун, почему ты меня не разбудил? Стыд-то какой...

— Да ничего страшного не случилось. Спи, сколько хочется.

Гу Чжао поспешил закончить завтрак: дел было невпроворот.

— Ты кушай спокойно, а я пойду к Управляющему Хуану. Если тебе неловко при гостях, побудь пока в доме, займись чем-нибудь.

— Хорошо, муж.

Ли Чжоучжоу послушно кивнул, не желая мешать важным делам.

Вернувшись на задний двор, Гу Чжао обнаружил господина Хуана в ожидании. За недолгой беседой он понял, что агроном — человек дела. Чтобы внедрить новый способ удобрения во всём округе, требовалась строгая отчётность и точность, ведь каждая земля имеет свои особенности.

Управляющий Хуан был приятно удивлён: он не знал, каков Гу Чжао в науках, но его основательный подход к сельскому делу заслуживал похвалы. Правда, иногда «учёный Гу» вворачивал непонятные словечки, но быстро поправлялся.

— ...Соотношение золы, воды и навоза — десять к одному и к одному, — пояснял Гу Чжао. — То есть на десять вёдер воды берём одно ведро золы от пшеничной соломы и одно ведро удобрений.

В первый год у нас соломы было мало, так мы использовали перегной из леса и золу от сучьев. Если навоза не хватает, можно брать землю из тех мест, где скот стоит годами — такая почва сама по себе очень богатая.

Пока мужчины беседовали, Ли Чжоучжоу перемыл посуду и принялся распаривать чехлы с постелей, которые они брали в город. После гостиницы и дорожной пыли бельё следовало хорошенько выстирать.

Проснулся он поздно, так что время таяло на глазах. Закончив с бельём, гэ'эр принялся за обед. Зная, что на дворе гости, Чжоучжоу сварил побольше каши из разных злаков, нарезал овощей и достал припасённые с Нового года колбасы и таньцзы жоу — вышло два сытных мясных блюда.

К полудню вернулся Ли Да. Сбросив пыльную одежду, он долго отмывался, а Ли Чжоучжоу подливал ему горячую воду, пока от запаха поля не осталось и следа.

— Давайте стол во двор вынесем, — решил отец.

Так и сделали. Агроном и его люди с удовольствием пообедали вместе с семьёй Ли. После трапезы они отправились дальше: хоть жили они у старосты, им нужно было осмотреть другие поля и научить соседей правильно вносить удобрения.

Днём Ли Чжоучжоу отправился к реке. Стоило ему разложить бельё, как на берегу, словно по волшебству, появились соседки — видать, караулили.

— Чжоучжоу, вернулись уже? Ну, как там, в городе?

— Как учёный Гу? Сдал? Получится у него?

— Да что ты спрашиваешь, — одёрнула подругу другая тетушка. — Тут всё от воли Небес зависит. Ну, даже если в этот раз не выйдет — не беда, в следующий получится.

— Тьфу на тебя! Сама-то поняла, что ляпнула?

Женщина спохватилась и легонько хлопнула себя по губам:

— Прости, Чжоучжоу, язык мой — враг мой. Конечно, всё у Гу Чжао получится, ты не слушай меня.

— Я знаю, что вы все за него переживаете, — мягко ответил юноша. — Вернулись мы поздно ночью, в пути под дождь попали, но, слава богу, не простудились. В городе народу — яблоку негде упасть, и траты огромные. А как муж сдал — я и сам не знаю...

Вспоминая слова Гу Чжао о тесноте и суете, Чжоучжоу невольно нахмурился. Соседки, заметив тень на его лице, тут же переглянулись: «Ох, видать, плохи дела. Такой славный парень этот Гу Чжао, а вот поди ж ты... Хоть бы Небеса сжалились над ним».

Вскоре вести разлетелись по деревне. На вопросы любопытных тётушки отвечали вздохами: мол, надо молиться, муж Чжоучжоу человек золотой, но экзамены — дело тёмное. В глубине души все уже решили: провалился наш книжник. Видать, в навозе он разбирается лучше, чем в

свитках.

Два дня агроном не вылезал из дома Ли Да. Односельчане, охваченные благоговением перед городским начальством, обходили их двор стороной.

На третий день Управляющий Хуан отбыл в Нинпин, а его помощники разошлись по соседним деревням — Дунпину, Шили и Датяню, чтобы и там внедрить новый способ. Власти планировали увеличить производство известковой пыли, но крестьяне — народ осторожный. Многие решили подождать годик, посмотреть на урожай у соседей, прежде чем решаться самим. Внедрение такого новшества во всём округе могло занять года три.

Едва помощники агронома скрылись за околицей, как на пороге дома Ли появился Син-гэ'эр с маленьким Юаньюанем на руках.

— Раньше-то я боялся заходить, — затараторил он. — Ну, рассказывай скорее!

Ли Чжоучжоу, не отрываясь от дел, покачал головой:

— Сам не знаю. Сянгун говорит, соискателей было немного, но я-то видел толпы у ворот. Говорят, человек двести приехало, а возьмут всего двадцать.

Гу Чжао об этом молчал, но Ли Чжоучжоу успел разузнать всё сам.

Син-гэ'эр только ахнул:

— Как же мало! И половины не наберётся... — Заметил, как поскучнел друг, он поспешил сменить тему: — А в городе-то гуляли? Какие там нынче наряды носят? Какие украшения у городских гэ'эров?

— Не до того мне было, — честно признался Чжоучжоу. — Глаз не поднимал.

— А когда результаты? Снова в город поедете?

— Нет, наняли посыльного. Сянгун говорит, негоже отцу снова мула гонять, в поле работы полно. Лишний вэнь потратим, зато дома будем. Завтра-послезавтра должны весть принести.

Ли Чжоучжоу заметно занервничал. Син-гэ'эра же разбирало любопытство: все знали, что учёба — дело дорогое, он и сам видел, сколько стоят кисти да бумага. Но теперь, когда урожаи стали лучше, в его голове зашевелились крамольные мысли: а ну как его Юаньюань тоже в

люди выбьется?

— И во сколько же поездка обошлась?

— В первую ночь жили дёшево, но далеко от ворот — по двадцать пять вэней за комнату. На вторую ночь перебрались поближе, там гостиница знатная, по пятьдесят вэней с носа...

— Пятьдесят?! За одну только ночь?! — Син-гэ'эр вытаращил глаза. — Вот это траты! Теперь понятно, почему Ли Да среди ночи повозку запряг — ни вэня лишнего платить не хотел. Какие же там кровати должны быть за такие деньги? Золотые, не иначе?

Он принялся загибать пальцы:

— Шесть ночей, да первая ночь... Триста пятьдесят вэней — и это только за крышу над головой!

— И еда там на пару вэней дороже, чем у нас, — добавил Ли Чжоучжоу.

И ведь питались они не в ресторанах, а у простых лоточников — лапшой да булочками.

— Дорогое это удовольствие — экзамены. А если не сдашь — считай, деньги на ветер пустил...
— Син-гэ'эр осекся, поняв, что сболтнул лишнее. — Я не про твоего мужа, Чжоучжоу! Я про то, что нашему брату такое не по карману. Нет, видать, моему Юаньюаню книг не видать.

На том его мечты об образовании сына и закончились, едва успев расцвести.

Пока в деревне шептались, Гу Чжао отправился в Дунпин к Учителю Чжао. После экзамена вежливость требовала навестить наставника.

В доме Чжао царил гнетущая тишина: даже самые малые говорили вполголоса. Напряжение висело в воздухе, словно перед грозой. Чжао Цзэ, которому только исполнилось десять, сдавал этой весной экзамен на туншэна — и весть должна была прийти со дня на день.

— А, Чжао-эр пришёл, — жена учителя вытерла руки о передник. Обычно словоохотливая, теперь она лишь растерянно кивнула на дверь: — Проходи в комнату.

Внутри Гу Чжао застал привычную картину: Учитель Чжао мерил шагами комнату с линейкой в руках. Посреди зала стоял маленький Чжао Цзэ. Судя по покрасневшим глазам и опухшим ладоням, спрятанным за спину, мальчик только что получил взбучку.

— Учитель. — Гу Чжао поклонился и объяснил, почему задержался.

Наставник знал, что в Сипине гостит агроном, и не стал придираться. Все его мысли были заняты внуком. Он понимал: даже если Гу Чжао провалится, у семьи Ли есть деньги, чтобы попробовать ещё раз. А вот у них права на ошибку почти не было.

— Хм. — Учитель кивнул и снова обернулся к внуку. — Дома от зубов отскакивало! Как же ты на экзамене умудрился всё забыть? Где именно ошибся?

Мальчик стоял ни жив ни мёртв. Прошло три дня, и вопросы в его голове перемешались в кашу — он и сам не знал, где ответил верно, а где оступился.

Видя, что наставник не в духе, Гу Чжао вежливо откланялся, обещая зайти позже, когда придут вести. Выйдя со двора, он ещё долго слышал свист линейки и всхлипы ребёнка. У ворот мать Чжао Цзэ кусала губы, но войти и перечесть мужу не смела.

В отличие от бедной семьи Учёного Чжу, Чжао жили в достатке. Но старый учитель вложил все свои несбывшиеся надежды в девятилетнего внука. С пелёнок тот вставал до рассвета, заучивая тексты и выводя иероглифы в лютый мороз и летний зной. Пусть бы он сдал...

Гу Чжао вздохнул и, кивнув встречной соседке, покинул деревню.

Едва он скрылся из виду, как женщина принялась разносить новость: видела, мол, Гу Чжао у Учителя Чжао. Лицо на нём не было, вздыхал да кручинился. Видать, и впрямь провалился.

К вечеру все четыре дома семьи Гу уже обсуждали эту весть.

Вторая невестка только укрепилась в своём мнении:

— Я же говорила — не книжник он. Стал зятем в доме Ли, ну и пусть. Эти тридцать вэней — последние, что мы ему дали. Если матушка снова заикнётся о деньгах — я ни за что не соглашусь.

Лучше уж детям сладостей купить, чем выбрасывать деньги на этот безнадежный проект.

В обеих деревнях уже не верили в успех учёного Гу. Шептались, что раз вестей нет — значит, провал, и следующего шанса придётся ждать два года. Но в лицо Ли Да и Чжоучжоу об этом, конечно, никто не говорил.

Наступил день, когда должны были объявить результаты. Ли Чжоучжоу не находил себе места: то и дело ронял вещи, забывал, за чем шёл. Ли Да тоже забросил поле и то и дело выходил к околице. К вечеру, когда на дороге так никто и не показался, по деревне пополз слух: «Всё. Не сдал».

В домах затворяли двери и сокрушённо качали головами. Кто-то сочувствовал, кто-то ехидно замечал, что у Ли денег куры не клюют — ещё выучат.

В доме Тётушки Ван за ужином было весело — подали мясо.

— Ли Да до самой темноты у ворот стоял, да так ни с чем и вернулся, — рассказывал муж. — Видать, не видать Гу Чжао звания сюцай.

— Да что там «видать»! — перебила его жена. — Ночь на дворе. Кабы сдал — уже бы примчались. День-то нынче длинный, давно бы доехали.

— И то верно.

Тётушка Ван, довольно жмурясь, продолжала:

— Я же говорила — нечего деньги на эти бредни тратить. Сюцай... Посмотри на Учителя Чжао — много ли у него радости? Лучше бы землю пахал, как все люди.

— Да он и в деревне-то за книгами не сидел, — подхватил муж. — То печки мастерит, то удобрения придумывает. Не учёный он, а так... мастер на все руки.

— Матушка, — подал голос старший сын Ван, — если бы не этот мастер, у нас бы на полях сейчас пусто было. Подумаешь, не сдал. У семьи Ли всё равно награда от властей имеется.

Ему просто надоело слушать нытьё матери, которая никак не могла забыть те несчастные десять взней за печку.

В доме Ли Ли Чжоучжоу тайком утирал слёзы, но, услышав шаги мужа, быстро привёл себя в порядок.

— Плакал обо мне? — Гу Чжао как раз вернулся, выплеснув воду после мытья ног.

Чжоучжоу не стал врать.

— Да так, пустяки. — Он попытался улыбнуться. — Зато теперь мы знаем, как всё устроено. Поднакопим денег и в следующий раз обязательно сдадим. Ты только не падай духом, Сянгун.

— Знаю. — Гу Чжао присел на кан и серьёзно посмотрел на супруга. — Честно говоря, я думал, что ответил хорошо. Столько лет опыта... И тема попалась удачная, и в ответах я был уверен. Странно это всё.

Перед чужими он бы поскромничал, боясь сглазить, но с Чжоучжоу был предельно честен. Он знал, что муж его никогда не высмеет.

Чжоучжоу в науках не смыслил, но почувал в голосе Сянгуна искреннее недоумение. Он обнял его, прижимая к себе:

— Может, посыльный в пути задержался? Давай подождём до завтра.

— Я тоже на это надеюсь. — Гу Чжао уткнулся носом в плечо супруга. Кабы он и впрямь провалился — он бы всерьёз усомнился в своих способностях.

Следующий день прошёл в томительном ожидании. Зато из Дунпина пришла благая весть: Чжао Цзэ сдал! Десятилетний туншэн — настоящий маленький гений. В деревне только и разговоров было, что о юном даровании.

И, конечно, не могли не вспомнить о Гу Чжао. Тот ведь тоже в десять лет стал туншэном, все его хвалили... А теперь посмотрите на него: муж-зять в чужом доме, да ещё и экзамен провалил.

Эх, судьба-злодейка...

Этой ночью Гу Чжао был сам не свой от горечи. Ли Чжоучжоу, видя его страдания, отбросил всякую стыдливость. Он сам расшнуровал нижнюю одежду мужа, стараясь согреть его своей нежностью и лаской.

Гу Чжао быстро забыл о своих печалях.

В конце концов, он сдавал экзамен ради семьи, чтобы жизнь их стала лучше. А если его неудача приносит в дом только горе — значит, он всё перепутал. Решив, что уныние ему не к лицу, юноша воспрянул духом.

Да и ночь выдалась чудесной. Супруг был просто само совершенство.

На следующее утро, ещё до обеда, Тётушка Ван увидела у околицы незнакомца. Решив, что это наконец-то посыльный из города, она велела Сяо Тяню бросать еду и бежать к дому Ли — сообщить весть.

Ли Да, услышав новость, бросил миску и выскочил за порог. Чжоучжоу и Гу Чжао — следом за ним. Тётушка Ван, завидев их, только хмыкнула:

«Неужто и впрямь весть? Но ведь два дня уже прошло...»

Оказалось, вышла накладка.

Незнакомец не был посыльным из экзаменационного двора. Он привёз каменную плиту. Ещё перед Новым годом, когда Ли Да получил награду, Гу Чжао договорился со старостой, что семья на свои деньги установит памятный знак. Из-за праздников и весенних работ дело затянулось, и вот теперь мастер наконец доставил заказ.

Тётушка Ван так и замерла в неловкости. Она поспешила извиниться:

— Прости, Чжоучжоу, увидела незнакомое лицо, вот и решила, что из города... Сяо Тяня зря гоняла...

— Ничего страшного, — отозвался Гу Чжао.

Он понимал, что соседка хотела как лучше, хоть теперь вся деревня будет неделю над этой путаницей потешаться. Впрочем, великим мужам — великие испытания...

Гу Чжао пытался подбодрить себя, но горечь всё же кольнула сердце — он видел, как просиял Чжоучжоу, услышав новость, и как быстро погас этот свет. Он крепко сжал руку супруга, без слов прося не печалиться.

Собралась толпа. Соседи наперебой утешали: мол, пустяки это, в другой раз сдашь, а пока и на полях работы хватит. Староста, видя, как Ли Да помрачнел, поспешил разогнать любопытных:

— А ну, расходитесь по домам! Нечего тут языками чесать, и так людям тошно.

Только люди собрались расходиться, как издалека донёсся зычный крик:

— Здесь ли дом Ли Да из деревни Сипин? Гу Чжао из семьи Ли сдал! Сдал!

Народ замер. Кто-то возмутился:

— Да что ж это за шутки такие? Мало нам плиты этой, теперь ещё и издеваются!

Староста и вовсе побагровел от гнева, выискивая глазами шутника. Но деревенские только махали руками: не мы это, мол!

А голос приближался. Вскоре на дороге показался запылённый юноша лет двадцати.

— Почтенные, это ли деревня Сипин городка Нинсун? Здесь ли живёт Ли Да? Я ищу учёного Гу Чжао. Он сдал экзамен на сюцая!

У посыльного пересохло в горле. Видя, как на него уставилась толпа, он с трудом сглотнул и хотел было продолжить, но староста наконец пришёл в себя.

— Да, это здесь! Ты из округа?! Ли Да, скорее сюда! Твой Гу Чжао сдал!

Это была весть, равная грому среди ясного неба.

Вмиг всё переменялось. Деревня взорвалась радостными криками. Люди окружили посыльного, засыпая его вопросами.

— Как же так? Результаты ведь два дня назад вывесили, почему только сейчас доехал? Не врёшь ли?!

— И то верно, — подхватил кто-то. — Внук Учителя Чжао вчера уже всё знал, а он ведь туншэна сдавал! У сюцаев-то списки раньше вывешивают!

Посыльный, сияя от радости, пояснил:

— Так я ж пешком шёл! Попробуйте-ка сами из округа досюда за день добежать — три дня пути, не меньше. Господин Ли, когда платил, не спросил, на чём я добираться буду, решил, небось, что я повозку найму. А я парень простой, мне каждый вэнь дорог, вот и шёл своими ногами.

— Сдал — значит сдал! Кто ж в таком деле врать станет? — крикнул староста. — Если что, в округе проверить можно, а за обман власти и за решётку упечь могут. Гу Чжао теперь сюцай, шутки кончились!

— Ох, матушки, да неужто правда...

— Правда-правда! Да ещё и третьим в списке идёт!

Ли Да сиял так, что, казалось, солнце померкло. Он тут же объявил, что закатит пир на всю деревню — в доме Ли снова праздник.

— И надо же, как совпало! — судачили женщины. — Плиту только привезли, и тут же весть благая. Знак это! Староста говорит, как пир затеем, так и плиту эту у въезда поставим — на удачу.

— И то верно, на добрые дела денег Ли не жалели, вот небо их и вознаградило.

Закипела работа. Мужчины наперебой предлагали помощь: кто в Дунпин к родне Гу весть нести, кто столы да скамьи из общинного дома тащить. Женщины принялись перемывать посуду. У всех ещё свежа была память о новогоднем пире, так что дело спорилось.

Посыльный никуда не ушёл: он сидел в тени на подворье Ли, жадно припав к ковшу с водой.

За доставку ему причиталось пятьдесят вэней, но Ли Чжоучжоу, не помня себя от счастья, вынес ему ещё тридцать в красной бумаге — на удачу.

Ли Да от души хлопал парня по плечу:

— Пей, не торопись. Сегодня у нас пообедаешь, а завтра на пиру погуляешь — тогда и пойдёшь.

— Ох, спасибо, хозяин, — парень смущённо мял в руках свёрток, чувствуя его приятную тяжесть. — Но мне бы сегодня вернуться... матушка волноваться будет.

Ему и впрямь повезло в этом году. Бывало, принесёшь весть о провале — так и воды не подадут, ещё и недобрым словом проводят.

— Ну, тогда хоть переночуй, а завтра я тебя на повозке до городка подброшу, всё легче будет, — предложил Ли Да.

На это посыльный с радостью согласился.

Ли Чжоучжоу светился от гордости: его муж — теперь сюцай!

До самого вечера порог дома Ли не знал покоя. Шли все — и с яйцами, и с деньгами. Ли Да поначалу отказывался, но соседи и слушать не желали:

— Дай хоть за удачу твоего зятя подержаться!

Нет, теперь уже не зятя. Теперь — господина сюцяя.

А Чжоучжоу — теперь фулан сюцяя.

Ли Да и вовсе в одночасье стал отцом учёного мужа.

Чжоучжоу краснел и смущался, но глаза его сияли так ярко, что любому было ясно — он на седьмом небе от счастья.

На следующий день Ли Да не мог уехать в город — он был хозяином дома и должен был встречать родню из Дунпина. Поэтому за покупками отправился старший сын старосты, заодно подвозя посыльного.

Чжоучжоу с утра напёк мясных булочек и сунул три штуки парню в дорогу. Тот сидел на повозке, прижимая свёрток к груди, и думал, какие же душевные люди живут в Сипине. С такими запасами он сэкономит ещё пару вэней в пути — все восемьдесят вэней целыми домой принесёт!

Тем временем весть долетела до Дунпина.

Отец Гу был в поле, а дома осталась лишь Ли Гуйхуа с младшими. Услышав, что Гу Чжао сдал экзамен, она долго не могла прийти в себя. Всё переспрашивала, не верила... Как же так? Неужто этот непутевый парень теперь — господин сюцай?

Посыльный её реакции не удивился. В Сипине тоже поначалу никто не верил, ведь у них отродясь учёных не бывало. Все решили, что Гу Чжао провалился, а тут — такой поворот!

Вскоре весь род Гу стоял на ушах. Мужчины побросали сохи, женщины — прялки. Радость мешалась с горечью: ведь теперь Гу Чжао принадлежал не им, а семье Ли.

Бабушка Гу только вздыхала. Такая честь могла бы прославить их дом, но теперь всё досталось чужим.

— Видно, такова благая доля семьи Ли, — только и сказала она.

В Сипине же всю обсуждали слова жены старосты: мол, встретились два человека с тяжёлой судьбой — и жизнь их расцвела. Чжоучжоу раньше во всём не везло, и Гу Чжао в Дунпине сколько раз проваливался... А сошлись — и всё пошло в гору. Это и есть судьба.

Деревенские охотно с этим соглашались. Родне Гу тоже пришлось принять эту мысль: мол, останься Гу Чжао с ними — так бы и ходил вечным неудачником. Иначе как смотреть в глаза Ли Да и Чжоучжоу на пиру, когда в каждом тосте славят отца сюцая? Четвёртому Гу и Ли Гуйхуа вино в горло не лезло от зависти.

Пир в доме Ли гремел весь день. Лишь в сумерках, когда гости разошлись, трое хозяев наконец присели отдохнуть. Чжоучжоу всё ещё не верил своему счастью:

— Сянгун, ты и впрямь... сдал?

— И впрямь. — Гу Чжао шутливо ущипнул его за щёку.

Чжоучжоу, покрасневшийся от вина и радости, выглядел сейчас необычайно трогательно.

— Устал? Посиди, отдохни, я сам закончу, — предложил муж.

— Нет-нет, я сам, — Ли Чжоучжоу сиял. — Мне в радость!

Ли Да, изрядно захмелевший, то и дело принимался весело хохотать в пустоту. Труд после такого праздника казался лёгким и приятным.

После пира Гу Чжао и Чжоучжоу, как и полагается, отправились в Дунпин к Учителю Чжао с благодарностью. Хоть наставник и был на их пиру, правила требовали подношения даров.

Одарив учителя и выслушав поздравления односельчан, супруги вернулись домой. Пора было думать о будущем. Гу Чжао занял почётное третье место, а значит, двери окружной академии были для него открыты. Нужно было лишь в течение апреля съездить в город для регистрации, чтобы его имя внесли в списки и выдали официальные бумаги.

Звание сюцая давало немало благ: освобождение от налогов на пятьдесят му земли, право не кланяться при встрече с чиновниками. В академии обучение было бесплатным, а за хорошую успеваемость полагалось зерно — на полмеры больше, чем у отстающих.

Но главное — теперь ему предстояло учиться в городе. А значит, семье придётся разделиться.

Ли Да, услышав об этом, помрачнел. Он не мог оставить Чжоучжоу одного, но и понимал: Гу Чжао не может бросить академию.

— Поезжайте. — Вздохнул он. — Только в городе будьте осторожнее, двери крепче запирайте...

— Отец, давайте переедем в округ всей семьёй, — предложил Гу Чжао.

Он видел, что тесть всё понял неверно, решив, что молодые уедут вдвоём.

— Послушайте меня. Если я буду учиться в академии, мне придётся пропадать там весь день. Как я оставлю Чжоучжоу одного в незнакомом городе? Там народ разный, не то что у нас в деревне, где каждый на виду.

Это соображение заставило Ли Да задуматься. Тревога за сына пересилила, но тут же всплыла другая забота:

— А как же поля? Если землю забросим, что есть будем? Нельзя же всю жизнь на те сто лянов надеяться.

Гу Чжао понимал его страхи:

— Поля можно отдать соседям под обработку. Денег с них брать не будем — пусть это будет плата за их труд. А в ноябре, когда закончатся работы, вы, отец, навестите деревню и заберёте нашу долю зерна — ровно столько, сколько нам на зиму хватит. И с соседями повидаетесь, новости узнаете.

Налог на землю теперь платить не нужно. Десять му риса дают пять тысяч цзинь. Ли Да, как человек старой закалки, никогда не продавал всё зерно подчистую — любил, чтобы в амбаре был запас на чёрный день. Тех шестисот цзинь, что они оставили в прошлом году, им троим хватило за глаза.

Если отдать землю в пользование бесплатно, забрав лишь «процент» зерном, мукой да крупой — вся деревня в очередь выстроится. Для крестьян это невиданная удача.

— О еде беспокоиться не придётся, — продолжал Гу Чжао. — В городе будем тратиться только на мясо да овощи, а зерно академия выдаст. Проживём скромно, зато вместе.

К тому же, прописку они менять не будут — останутся крестьянами Сипина, так что подушный налог платить не придётся.

Чжоучжоу тоже оживился:

— А если я ещё кур заведу, так и яйца с мясом свои будут!

Видя, что тесть колеблется, Гу Чжао нанёс решающий удар:

— Непокойно мне оставлять Чжоучжоу. В городе соблазнов много, а ну как я там испорчусь или Чжоучжоу кто обидит...

— Сянгун так не поступит! — Ли Чжоучжоу поспешно возразил. Как он мог такое при отце нести? Вдруг Ли Да и впрямь плохо о нём подумает?

Но отец только серьёзно кивнул:

— Твоя правда. Едем все вместе.

Он решил, что за этим мальцом нужен глаз да глаз. Гу Чжао теперь сючай, а Чжоучжоу красотой не блещет. Начнёт ещё этот грамотей по сторонам заглядываться, обижать супруга — а тот только слёзы втихомолку глотать будет. Нет уж, он, Ли Да, сам проследит за порядком.

Гу Чжао хитро подмигнул мужу, пока отец не видел.

Ли Чжоучжоу только и оставалось, что диву даваться.

Вскоре вся деревня знала — Ли переезжают в город. Старики поначалу ворчали, но, узнав, что прописку семья оставляет прежнюю, сменили гнев на милость:

— Не забыли корни, и то ладно.

А когда весть о бесплатной раздаче земли дошла до соседей — и вовсе началось столпотворение. Поля у Ли Да были жирными, урожайными, за такое право любой бы подрался. Чтобы не было обид, Гу Чжао предложил жеребьёвку: разделили землю по два му в одни руки. Так и те, кому не досталось, не слишком завидовали.

В тот день на площади перед общинным домом собралась вся деревня. Семье Ван повезло — вытянули жребий на два му рисового поля. Тётушка Ван сияла: теперь и у них в доме будет свой белый рис, да ещё и без налогов!

Те, кому улыбнулась удача, не знали, как благодарить семью Ли.

До июня было ещё далеко, но рисовые поля уже ждали своего часа. А вот пшеницу, что колосилась на полях сейчас, Ли Да бросать не хотел. Решили так: Гу Чжао и Ли Чжоучжоу уедут в город в апреле, чтобы всё обустроить, а отец останется до июня, соберёт урожай и тогда уже переберётся к ним.

Ли Да сам отвезёт молодых, поможет с переездом, а остатки нехитрого скарба доставит уже после жатвы.

<http://bllate.org/book/15349/1423743>